Клад Разина за колокол

Есть, рассказывают, плант-бумажка, и на этой бумажке все как есть обозначено, записана воля Стеньки Разина. Приезжал он с Лялиных гор, а на Черемберчихе стояло большое черемисское село и церква була Успенская. И случилось втепоры Стеньке заболеть, на ногах открылись все раны давнишние. Надо Стеньке прямиком бы идти на Вятку-Оку, а тут Стенька без ног лежит. Шибко Стенька осерчал на свой недуг и просил попов с того села Успенского, что на Черемберчихе было, молить Бога о его здравии. Молят попы сутки трои подряд, недуг все более да более расходится, а Стенька все пуще да пуще серчает.

Пришел втепоры к Стеньке черемис это, а он, вишь, их-то, черемисов, отступниками звал. Держался-то, вишь, он старой ихней веры. Пришел, значит, к Стеньке и начал баить про все старое, да и говорит Стеньке: «Што эти бабенки (христианские попы, то есть) вымолят, вот как если Стенька бы Керемете угодил, то Кереметь бы вылечила его, Стеньку». И научил тот проклятущий черемис сжечь, разничтожить все село Успенское и колокол бросить в озеро-то Черемберчихское. Сделал то Степан Разин, изжег злодей село до щепочки и колокол бросил в то озеро. Полегчали ноги, ровно быть, у атамана, и ушел он кружить да гулять в Вятскую сторону. Погулял он на Вятке, на Каме, на Волге-реке. Гулял, не задумываясь, а поймали — так задумался: «Видно, — бает, — Бог наказал меня за послушество воли Керемети, за поругание храма села Успенского».

И наказал он своему дружке-товарищу и своему сынку любезному: «Бросьте, — бает, — вы в то озеро Черемберчихское первым делом три бочки с золотом, вторым делом три бочки с серебром. Не воззвонит ли с той глубины озера колокол, бросайте, любезные мои, до звона хоть единого: не будет звона — так не будет Стенька прощен, а звон будет, так Стенька будет прощен. А не пропала казна чтобы великая, отдайте плант написать, все как есть приметины». И бросили разбойники казны величество до самого до гула колокольного, а гул тот был в Успеньев день. И поняли разбойнички прощенье Стенькино, а плант положили в сумочку в кожаную, оковали сундучок медью-серебром.

А как поселились они при той местности, то и плант идет из рук в руки, а на планте написано, бают: «На восточной стороне есть камень велик, а на

камне зарублен вроде как крест, а от того камня иди к берегу, и у берега будут уступчики, с последнего уступчика того можно достать клад, а последний уступок в воде на сажень. Кто клад достанет, так десятину себе, а девять десятин на дела Божьи, на построение храма Успенского». Хорошо бы все, да Керемет сильна: не дает доставать казну на Божьи дела. А колокол, бают, гул издает, звенит каждой год в Успеньев день.

(Зап. от Соколова, в 1922 г. в Глушковской волости Костромской губ.)

Смирнов В. Потонувшие колокола // Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 29. (Третий этнографический сборник). Кострома, 1923.